

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.8

Original article

ГАМБАРЯН Артур Сиреканович
Российско-Армянский
(Славянский) университет,
Ереван, Республика Армения,
artur.ghambaryan@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6322-4664>

GAMBARYAN Artur Sirekhanovich
Russian-Armenian (Slavic) University,
Yerevan, Republic of Armenia

СПИРИДОНОВ Михаил Сергеевич ✉
Южно-Уральский
государственный университет,
Челябинск, Россия,
spiridonov.ms@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-2715-8912>

SPIRIDONOV Mikhail Sergeevich
South Ural State University,
Chelyabinsk, Russia

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ САНКЦИИ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROCEDURAL SANCTIONS UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION
OF THE REPUBLIC OF ARMENIA AND THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Правовые системы Республики Армения и Российской Федерации, имеющие общие корни, прошли достаточно длительный путь самостоятельного развития и накопили собственный опыт организации уголовного судопроизводства. Изучение этого опыта в компаративном плане представляет научный интерес, так как позволяет определить преимущества и недостатки каждой национальной юрисдикции, тенденции развития законодательства и перспективы заимствования положительного опыта ближайших соседей. Исследование формирования того или иного процессуального института лучше всего осуществлять через анализ иностранного опыта. Кроме того, сравнительно-правовое исследование позволяет выявить глубинный смысл правовых норм. Цель: компаративное исследование института процессуальных санкций в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Армения и Российской Федерации. Методологическую основу исследования составляет единство всеобщего, общенаучных и специально-юридических методов правовой науки, что обеспечило комплексный и

Abstract. The legal systems of the Republic of Armenia and the Russian Federation, while sharing common roots, have undergone a long period of independent development and have accumulated their own experience in organizing criminal proceedings. A comparative study of this experience is of scientific interest, as it allows for the identification of the advantages and disadvantages of each national jurisdiction, trends in legislative development, and the prospects for adopting the best practices of immediate neighbors. The formation of a particular procedural institution is best examined through the analysis of foreign experience. Furthermore, comparative legal research enables the identification of the underlying meaning of legal norms. Purpose: to conduct a comparative study of the institution of procedural sanctions in the criminal procedure legislation of the Republic of Armenia and the Russian Federation. The methodological framework of the study is based on an integrated combination of universal, general scientific, and specific legal methods of jurisprudence, ensuring a comprehensive and multi-level approach to the research problem. The universal dialectical method made it possible to

© Гамбарян А.С., Спиридонов М.С., 2026

многоуровневый подход к анализу проблематики. Всеобщий диалектический метод позволил рассмотреть процессуальную ответственность и санкции в динамике, выявить противоречия и закономерности их развития, учесть взаимосвязь данных правовых явлений с иными социальными и правовыми процессами; абстрактно-логический применялся для построения теоретических конструкций, выведения общих понятий и категорий, формулирования дефиниций и выявления существенных признаков исследуемых правовых феноменов; структурно-функциональный метод позволил раскрыть внутреннее строение института процессуальной ответственности и санкций, выделить их элементы и определить их назначение, оценить, как данный институт выполняет свои функции в системе уголовного процесса и взаимодействует с другими его частями; сравнительно-правовой использовался для сопоставления норм УПК Армении и России, подходов в данных юрисдикциях, что позволило выявить общие тенденции и возможные направления совершенствования законодательства; формально-юридический применялся для анализа текстов нормативных актов, толкования правовых норм, выявления их элементов (гипотезы, диспозиции, санкции), а также для определения места и роли норм в системе права с опорой на юридическую технику и устоявшуюся доктрину. Результаты: проанализированы подходы к построению системы процессуальных санкций и определению их содержания в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Армения и Российской Федерации. Выявлены существенные различия между данными правовыми порядками, заключающиеся в отсутствии в УПК РФ понятия «злоупотребление правом» и общих норм о процессуальных санкциях. Проведен сравнительный анализ содержания шести процессуальных санкций, предусмотренных уголовно-процессуальным законом Республики Армения, с аналогичными санкциями в законодательстве России. Обоснован вывод, что законодательство Армении более последовательно и детализировано, лучше отвечает задаче защиты участников процесса от необоснованного применения к ним санкций и способствует достижению цели уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: процессуальная санкция, процессуальная ответственность, меры процессуального принуждения, процессуальное правонарушение, основания ответственности, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Гамбарян А.С. Процессуальные санкции по уголовно-процессуальному законодательству Республики Армения и Российской Федерации / А.С. Гамбарян, М.С. Спиридонов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 62–72.

examine procedural liability and sanctions in their dynamics, identify contradictions and patterns in their development, and consider the interconnection between these legal phenomena and other social and legal processes. The abstract-logical method was employed to construct theoretical frameworks, derive general concepts and categories, formulate definitions, and identify the essential features of the legal phenomena under study. The structural-functional method served to uncover the internal structure of the institution of procedural liability and sanctions, identify their elements and objectives, and assess how this institution performs its functions within the criminal procedure system and interacts with its other components. The comparative legal method was used to contrast the provisions of the Criminal Procedure Codes of Armenia and Russia and the approaches adopted in these jurisdictions, which helped identify general trends and potential avenues for legislative improvement. Finally, the formal-legal method was applied to analyze the texts of normative acts, interpret legal norms, identify their structural elements (hypotheses, dispositions, and sanctions), and determine the place and role of these norms within the legal system, relying on legal technique and established doctrine. Results: the article analyzes the approaches to structuring the system of procedural sanctions and defining their content within the criminal procedure legislation of the Republic of Armenia and the Russian Federation. Significant differences between the two legal systems are identified, primarily the absence of the concept of “abuse of right” and general provisions on procedural sanctions in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. A comparative analysis of six procedural sanctions provided for by the criminal procedure law of the Republic of Armenia and their counterparts in Russian legislation is conducted. The article concludes that the Armenian legislation is more consistent and detailed, thereby better addressing the need to protect participants in criminal proceedings from the unjustified application of sanctions and contributing more effectively to achieving the goals of criminal justice.

Keywords: procedural sanction, procedural liability, measures of procedural coercion, procedural offense, grounds for liability, criminal proceedings

For citation: Gambaryan A.S., Spiridonov M.S. Procedural Sanctions under the Criminal Procedure Legislation of the Republic of Armenia and the Russian Federation. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 62–72. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.8.

ВВЕДЕНИЕ

Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства является ведущим направлением научных исследований последних десятилетий. Подавляющее большинство научных работ содержат либо критику действующего уголовно-процессуального законодательства, либо конкретные предложения по его изменению. Неудовлетворенность действующими правовыми нормами регулярно высказывается и в юридической публицистике. При этом и представители науки, и практические работники солидарны в том, что попытка переустройства отечественного уголовного процесса на основе состязательности и разделения процессуальных функций оказалась не совсем удачной и до конца не завершена.

По мнению авторов настоящей статьи, разработка предложений по совершенствованию процессуального закона должна непременно основываться на изучении законодательства соседних государств. Особенно это касается тех стран, с которыми у России есть общая история и крепкие связи.

В 2021 г. в Армении был принят новый уголовно-процессуальный закон. Полагаем, что содержание этого нормативно-правового акта и опыт его применения представляют интерес для российских ученых и практиков. В частности, примечательно появление в этом законе отдельного раздела, касающегося процессуальных санкций, а также норм, регулирующих реализацию процессуальной ответственности.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ САНКЦИИ В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

В уголовном судопроизводстве Армении процессуальные санкции представляют собой самостоятельные меры процессуального принуждения, регламентированные гл. 17 УПК Республики Армения¹ (далее – УПК РА).

Прежде чем перейти к видам процессуальных санкций, следует отметить, что в законодательстве Армении наряду с понятием

«процессуальная санкция» используется понятие «судебная санкция». Процессуальные санкции закреплены в гл. 17 УПК РА («Процессуальные санкции»), а судебные санкции – также в гл. 10 Конституционного закона «Судебный кодекс Республики Армения» («Судебные санкции»)². Судебную санкцию применяет суд в ходе судебного производства, в то время как понятие «процессуальная санкция» является более широким и охватывает меры воздействия, применяемые следователем в досудебном производстве.

В настоящее время коллизий (противоречий) между нормами Судебного кодекса и УПК РА, регулируемыми санкциями, не существует. Если они возникнут, что будет свидетельствовать о нарушении законодателем ч. 2 ст. 103 Конституции РА (нормативное регулирование конституционным законом не должно выходить за рамки его предмета), то предпочтение должно отдаваться положениям УПК РА.

Общим основанием применения процессуальных санкций служит норма ст. 29 УПК РА «Запрет неправомерного поведения». В ч. 3 этой статьи указано, что в предусмотренных УПК РА случаях к лицу, допустившему злоупотребление правами или злостно не исполнившему обязанности, может быть применена соразмерная его поведению процессуальная санкция, если ее неприменение может поставить под угрозу нормальный ход производства.

Частью 2 ст. 141 УПК РА предусмотрены следующие виды процессуальных санкций: замечание; ограничение в осуществлении права; удаление из зала судебного заседания; принудительный привод в орган, осуществляющий производство; судебный штраф; отстранение от производства. Их перечень является исчерпывающим.

Процессуальные санкции можно условно разделить на две группы: применяемые в досудебном производстве и применяемые в судебном производстве. Отдельные процессуальные санкции, такие, например, как удаление из зала судебного заседания или судебный штраф, могут применяться исключительно в ходе судебного производства и только судом.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 28.07.2021 № ЗР-306-Н [Электронный ресурс] // Национальное Собрание Республики Армения : сайт. URL: <https://www.arlis.am> (дата обращения: 15.05.2026).

² Судебный кодекс Республики Армения от 07.02.2018 № НО-95-Н [Электронный ресурс] // Национальное Собрание Республики Армения : сайт. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/130486> (дата обращения: 15.05.2026).

В уголовно-процессуальном законодательстве, помимо процессуальных санкций, предусмотрены и иные меры процессуальной ответственности, подлежащие применению в случае процессуальных нарушений. Например, отстранение следователя от производства в случае грубого нарушения закона является мерой процессуальной ответственности, однако эта мера не закреплена в гл. 17 УПК РФ, посвященной процессуальным санкциям. Следовательно, с формально-правовой точки зрения она не считается видом процессуальной санкции, хотя в доктринальном смысле отстранение следователя от производства, несомненно, рассматривается как мера процессуальной ответственности [1, с. 108; 2, с. 47; 3]. В гл. 17 УПК РФ предусмотрены лишь вышеперечисленные меры процессуальной ответственности.

При этом общие положения, предусмотренные гл. 17 УПК РФ, например, положения ч. 4 ст. 141, в соответствии с которыми применение процессуальной санкции должно быть направлено на достижение целей обеспечения нормального хода производства, а примененная к лицу санкция должна быть соразмерна характеру и последствиям его поведения, относятся исключительно к процессуальным санкциям. Эти общие положения не могут быть распространены на меры процессуальной ответственности, не предусмотренные гл. 17 УПК РФ.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ САНКЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Существенным отличием российского уголовного судопроизводства от судопроизводства Республики Армения является разрыв между доктриной и нормативно-правовым регулированием в вопросе об уголовно-процессуальных санкциях и ответственности. В частности, это проявляется в отсутствии в российском уголовно-процессуальном законодательстве такого важного для института процессуальной ответственности понятия, как запрет злоупотребления правом. Если в УПК РФ так же, например, как в УПК Швейцарии [4, с. 186–188], прямо закреплён указанный принцип (ст. 29), то в УПК РФ нет прямо-

го аналога этой правовой нормы. Что касается ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу», то в ней упоминаются только участники уголовного судопроизводства, наделённые властными полномочиями. Нормы о запрете неправомерного поведения других участников процесса в УПК РФ нет, как нет и специального раздела, посвящённого процессуальным (судебным) санкциям. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит положений, регулирующих основания и порядок применения процессуальных санкций и иных мер уголовно-процессуальной ответственности. В исторической ретроспективе таких норм в российском уголовно-процессуальном законодательстве тоже не существовало.

Отсутствие нормативного закрепления принципа запрета злоупотребления правом отчасти компенсируется использованием в судебной практике термина «явно недобросовестное использование участником процесса своих правомочий в ущерб интересам других участников процесса», введенного в оборот Пленумом Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 18 постановления от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»³ (далее – постановление № 29).

В доктрине российского уголовного процесса проблематика процессуальных санкций и ответственности имеет относительно давнюю историю. Так, вопросам уголовно-процессуальных правонарушений, ответственности и судебных санкций посвящены работы З.Ф. Ковриги [2; 5], Г.Н. Ветровой [6], П.С. Элькинд [7; 8], Т.Г. Морщаковой [9], опубликованные еще в советский период. Позже этой проблематике касались В.Н. Протасов [10], Б.Б. Булатов [11], С.Г. Ольков [12], В.С. Вепрев [13] и др.

Важно отметить, что санкции и ответственность в доктрине уголовного процесса рассматриваются как самостоятельные понятия. Так, например, З.Ф. Коврига считала их, наряду с принуждением, отдельными способами принудительного обеспечения уголовно-процессуальных норм, при этом ответственность представляет собой реализацию санкции [5, с. 30, 38]. Г.Н. Ветрова так же по-

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

лагает, что санкция – это правовое средство обеспечения выполнения юридических обязанностей и охраны субъективных прав от возможных нарушений, а актом применения процессуальной санкции реализуется процессуальная ответственность за правонарушение [6, с. 47, 156]. Поскольку данный подход вполне согласуется с нормой ч. 4 ст. 141 УПК РА, то можно говорить, что армянский и российский уголовные процессы одинаково трактуют понятие процессуальной санкции как одного из средств обеспечения нормального хода судопроизводства.

В негативном аспекте под уголовно-процессуальной ответственностью понимается: обязанность нести меры правового воздействия в случае недобросовестного поведения, правонарушения [2, с. 54]; ясно выраженное в той или иной форме (акте применения санкции) порицание противоправного поведения обязанного субъекта правоотношения [6, с. 157]; карательные меры, возложение на нарушителя дополнительной обязанности, лишение его тех или иных процессуальных прав [8, с. 101].

Если сравнить перечень процессуальных санкций, предусмотренных УПК РА, с содержанием российского уголовно-процессуального закона, то можно привести следующие примеры аналогичных норм:

1) предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании (ч. 1 ст. 258 УПК РФ);

2) ограничение в ознакомлении с материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 217 УПК РФ);

3) удаление из зала судебного заседания либо отключение от видео-конференц-связи (ч. 1 ст. 258 УПК РФ);

4) привод (ст. 113 УПК РФ);

5) денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ);

6) отстранение дознавателя или следователя от производства расследования (п. 10 ч. 2 ст. 37, п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), отстранение государственного обвинителя или защитника от участия в деле (ч. 2 ст. 258 УПК РФ), отстранение присяжного от участия в рассмотрении дела (ч. 4 ст. 333 УПК РФ), отстранение законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) или потерпевшего от участия в деле (ч. 2.2 ст. 45, ч. 4 ст. 426, ч. 2 ст. 428 УПК РФ).

Отметим, что с точки зрения российской доктрины уголовного процесса вопрос об отнесении к мерам уголовно-процессуальной ответственности отстранения следователя и государственного обвинителя от участия в деле носит дискуссионный характер. Учитывая компаративистский характер настоящего исследования и его формат, подробный анализ этой дискуссии остается за его рамками.

Поскольку единого и, что более важно, закрытого перечня процессуальных санкций в УПК РФ нет, они распределены по разным структурным единицам закона. Сравнение приведенных выше видов санкций с перечнем санкций, предусмотренных ч. 2 ст. 141 УПК РА, показывает наличие между ними явного сходства. Отличие состоит в том, что в УПК РА названия видов процессуальных санкций сформулированы обобщенно. Так, например, предусмотренное ч. 3 ст. 217 УПК РФ ограничение стороны защиты в ознакомлении с материалами уголовного дела представляет собой одну из разновидностей ограничения в осуществлении права (п. 2 ч. 2 ст. 141 УПК РА).

Кроме того, приведенный нами перечень примеров санкций по УПК РФ, безусловно, не является исчерпывающим. Как уже было сказано, он сформирован авторами путем сопоставления с нормами гл. 17 УПК РА. Поэтому такие, например, санкции, как отмена процессуального решения или признание доказательства недопустимым, в настоящем исследовании подробно не рассматриваются.

Сравнительный анализ показывает, что система процессуальных санкций реализована в УПК РА последовательно и однозначно, что выражается в наличии отдельной гл. 17, которая выступает аналогом Общей части уголовного закона, где приведена система процессуальных санкций, раскрыто содержание каждой санкции, основания и порядок их применения. Такое построение закона позволяет избежать необходимости указывать в нем отдельные составы процессуальных правонарушений, которые влекут применение той или иной санкции. Также это предоставляет участникам процесса гарантии против произвольного применения к ним данных мер процессуальной ответственности. Подобное правовое регулирование вполне допустимо применить и в УПК РФ, где в настоящее время нет общих

норм о санкциях, а имеются лишь разрозненные нормы об их применении за отдельные составы процессуальных правонарушений.

СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ САНКЦИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И РОССИИ

Замечание (предупреждение). Согласно ст. 142 УПК РА замечание является предписанием, обращенным к участнику производства или иному лицу во время совершения конкретного процессуального действия или в ходе судебного заседания, о надлежащем поведении или подчинении распоряжениям уполномоченного лица. В досудебном производстве замечание делается в письменной форме, а в судебном производстве – в устной с занесением в протокол судебного заседания.

Невыполнение требований замечания может повлечь применение иной санкции, предусмотренной УПК РА. О возможности этого, а также о последствиях применения более строгой санкции орган, осуществляющий производство, в каждом случае замечания надлежащим образом уведомляет соответствующее лицо.

УПК РФ не раскрывает содержание такой санкции, как «предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании». По смыслу ч. 2 ст. 243 и ч. 1 ст. 258 предупреждение применяется только в ходе судебного производства и только судом. Его форма – устная с занесением в протокол судебного заседания. Основанием применения предупреждения является нарушение порядка в судебном заседании, неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава.

Хотя в ч. 1 ст. 258 УПК РФ прямо не говорится, что предупреждение является наименее строгой санкцией и при продолжении неподобающего поведения к участнику процесса применяется более строгая санкция, судебная практика сложилась именно таким образом. Так, например, подсудимый И. в Воткинском районном суде Удмуртской Республики неоднократно нарушал порядок в судебном заседании, пререкался с председательствующим и не подчинялся его распоряжениям, в связи с чем председательствующий делал ему за-

мечания и предупреждал о недопустимости подобного поведения. В результате суд применил к И. санкцию в виде отключения от видео-конференц-связи. Суд кассационной инстанции признал решение суда законным⁴.

Ограничение в осуществлении права. Согласно ст. 143 УПК РА ограничение в осуществлении права заключается в установлении временных или количественных условий для реализации определенных прав участника производства или свидетеля путем вынесения соответствующего постановления в случае систематического злоупотребления ими этими правами. Даная процессуальная санкция может быть применена только в случае систематического злоупотребления следующими правами:

- 1) заявление ходатайств;
- 2) заявление отводов;
- 3) представление доказательств для приобщения и исследования в материалах производства;
- 4) ознакомление с материалами производства и выписывание из них любых сведений;
- 5) выступление со вступительной речью, заключительным словом или заключительным заявлением;
- 6) отказ от защитника;
- 7) прекращение полномочий защитника.

Ограничение в осуществлении права может быть применено и в случае явки на конкретное процессуальное действие нескольких защитников, уполномоченных представителей или адвокатов одного и того же лица. В этом случае ограничение в осуществлении права проявляется в предоставлении возможности участвовать в данном процессуальном действии не всем защитникам, уполномоченным представителям или адвокатам. Применение процессуальной санкции, предусмотренной настоящей статьей, не должно исключать саму реализацию соответствующего права (ст. 143 УПК РА).

Как видно, армянский законодатель достаточно подробно раскрыл содержание данной санкции, при этом не только обозначил обязательное условие ее применения – систематическое злоупотребление правами, но и указал перечень таких прав.

⁴ Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2026 № 77-830/2026 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как отмечено выше, ограничение в осуществлении права как процессуальная санкция УПК РФ предусмотрена, но, в отличие от УПК РА, регламентирована не единой нормой, а целым рядом норм об ограничении в осуществлении отдельных процессуальных прав. В частности, положения ч. 3 ст. 217 УПК РФ предусматривают правомочие суда ограничить сторону защиты в ознакомлении с материалами уголовного дела в случае явного затягивания ознакомления. Определенные ограничения на участие в прениях могут быть применены судом в силу ч. 5 ст. 292, ч. 2, 3 ст. 336 УПК РФ. Аналогичное правомочие предоставлено суду и при последнем слове подсудимого – ч. 2 ст. 293 УПК РФ. На основании ч. 7, 8 ст. 335 УПК РФ суд может ограничить право сторон на представление и исследование доказательств при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей. Кроме того, в судебной практике сложился подход, согласно которому неоднократное заявление отвода по одним и тем же основаниям является неуважением к суду, такой отвод подлежит оставлению без рассмотрения⁵.

Как видно, приведенные нормы УПК РФ не содержат такого условия для применения данной процессуальной санкции, как систематическое злоупотребление правами. В то же время в них предусмотрены иные критерии, которые также показывают, что злоупотребление является основанием для применения данной санкции.

Удаление из зала судебного заседания (отключение от видео-конференц-связи). Согласно ст. 144 УПК РА в случае невыполнения требований замечания, сделанного в ходе судебного заседания, суд может удалить участника судебного производства (за исключением прокурора или адвоката, участвующего в качестве защитника или уполномоченного представителя, а также свидетеля, дающего в данный момент показания) или иное лицо из зала судебного заседания до окончания данного заседания или судебных слушаний. Постановление об удалении лица из зала су-

дебного заседания заносится в протокол судебного заседания. Если продолжение судебного заседания в отсутствие удаленного участника производства невозможно, суд откладывает слушания.

В случае первого и второго удаления обвиняемого из зала судебного заседания слушания откладываются. При последующем наличии основания для удаления обвиняемого из зала судебного заседания суд удаляет его из зала судебного заседания, продолжая данное судебное заседание.

Суд предоставляет удаленному из зала судебного заседания обвиняемому возможность выступить с заключительным словом и сделать заключительное заявление, а содержащемуся под стражей обвиняемому – участвовать в оглашении вердикта или приговора. При последующем наличии основания суд вправе вновь удалить обвиняемого из зала судебного заседания и продолжить данное заседание.

В случае немедленного и добровольного неисполнения постановления об удалении из зала судебного заседания оно исполняется принудительно с помощью судебных приставов (ст. 144 УПК РА).

В целом аналогичная норма содержится в ч. 3 ст. 258 УПК РФ, хотя степень ее детализации, безусловно, несравнимо меньше. Существенным отличием российского уголовно-процессуального закона и практики его применения является то, что судебное заседание при удалении подсудимого не откладывается, даже если это произошло в первый или второй раз. Кроме того, по смыслу ст. 258 УПК РФ возвращение подсудимого в зал судебного заседания после его удаления не предполагает повторения судебных действий, совершенных в его отсутствие, участия в которых он себя лишил в результате ненадлежащего поведения, что не может расцениваться как нарушение его права на защиту⁶.

Помимо этого, закон не предусматривает обязанность суда уведомлять обвиняемого по возвращении в зал судебного заседания о содержании проведенных в его отсутствие судебных действий и исследованных доказательств. При наличии просьбы обвиняемого о получении такой информации суд дает ему

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.03.2026 № 51-УДП26-3-А5 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.03.2025 № 89-УД25-1СП-А2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2, 3 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 1.

время для обращения за помощью к своему адвокату (абз. 3 п. 8 постановления № 29).

Как видно, данная санкция в УПК РФ имеет более строгий характер в сравнении с санкцией УПК РА. Стоит отметить, что ее применение, как правило, вызвано таким поведением подсудимого, которое явно выходит за рамки допустимого. При этом суд определяет продолжительность удаления с учетом характера совершенного подсудимым нарушения порядка в судебном заседании.

Принудительный привод. Согласно ст. 145 УПК РА в случае злостного уклонения частного участника производства (за исключением адвоката), а также свидетеля, эксперта или переводчика от исполнения обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом, орган, осуществляющий производство, в целях обеспечения их исполнения вправе вынести постановление о принудительном приводе лица. В постановлении указываются год, месяц, день его вынесения, данные лица, подлежащего принудительному приводу, уполномоченный орган, которому поручается осуществление привода, его основание и причины.

До привода лицу под расписку вручается копия постановления о принудительном приводе. Лишение свободы осуществляется непосредственно после вручения копии постановления. Факт принудительного привода фиксируется органом, осуществляющим производство, соответствующим протоколом, копия которого (а в случае суда – выписка из него) вручается лицу. В протоколе указываются: имя, фамилия, отчество лица, год, месяц, день, час, минута, место, условия и основания фактического лишения свободы, его заявления, имя, фамилия, должность, звание уполномоченного лица, осуществившего привод, а также год, месяц, день, час и минута доставления лица в орган, осуществляющий производство, и составления протокола. Протокол или выписка подписываются принудительно доставленным лицом, доставившим его уполномоченным лицом, а также органом, осуществляющим производство.

Лишение свободы не может длиться дольше, чем необходимо для исполнения той обязанности, для обеспечения которой оно было применено, но во всех случаях не более 12 часов. В случае отпадения необходимости в ли-

шении свободы или истечения установленного настоящей частью максимального срока лицо немедленно освобождается. Этот факт, а также основание, год, месяц, день, час и минута освобождения лица указываются в соответствующем протоколе, копия или выписка из которого вручается лицу (ст. 145 УПК РА).

Норма ст. 113 УПК РФ, в сравнении с приведенной выше нормой, намного менее детализирована. Это компенсируется тем, что порядок осуществления привода более подробно регламентируется подзаконными актами⁷.

С одной стороны, в Армении привод применяется к более широкому кругу лиц, именуемых в законе «частный участник производства», куда входят эксперт и переводчик. В России традиционно привод применяется только к обвиняемому, потерпевшему и свидетелю, а с недавнего времени также и к лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (по сути, он тоже является обвиняемым, но по выделенному уголовному делу). В этом отношении можно говорить, что эта санкция в российском уголовном процессе мягче. С другой стороны, в УПК РА четко установлено предельное время ограничения свободы лица, повергнутого приводу, – 12 часов, тогда как ни в УПК РФ, ни в указанных подзаконных нормативных актах такого ограничения нет. Опыт Республики Армения в этом вопросе представляется чрезвычайно важным.

Судебный штраф (денежное взыскание). Согласно ст. 146 УПК РА в случае невыполнения требований замечания, сделанного председательствующим, суд вправе наложить штраф на участника судебного производства. Размер его не может превышать 100 000 драм. Судебный штраф налагается отдельным постановлением, выносимым в том же судебном заседании, копия постановления в тот же день направляется оштрафованному лицу. Постановление о наложении судебного штрафа может быть обжаловано в порядке особого производства, установленном УПК РА.

⁷ Порядок осуществления привода судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов (утв. приказом Минюста России от 13.07.2016 № 164) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 33 ; Инструкция о порядке осуществления привода (утв. приказом МВД России от 21.06.2003 № 438, в ред. от 01.02.2012) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 47.

В случае добровольного неисполнения постановления о наложении судебного штрафа оно подлежит принудительному исполнению в порядке, установленном Законом «О принудительном исполнении судебных актов». Назначенный судебный штраф подлежит зачислению в государственный бюджет (ст. 146 УПК РА).

Существенным отличием предусмотренного ст. 117 УПК РФ денежного взыскания является основание применения данной санкции – неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей или нарушение ими порядка в судебном заседании. Получается, в Армении данная санкция применяется при усилении ответственности, когда замечание не возымело должного действия на участника процесса.

Также стоит обратить внимание на то, что размер денежного взыскания по УПК РФ почти в десять раз меньше размера судебного штрафа по УПК РА (с учетом конвертации валют). При этом ч. 5 ст. 118 УПК РФ позволяет отсрочить или рассрочить уплату этого взыскания. С точки зрения эффективности действия данной санкции можно говорить, что российский уголовно-процессуальный закон существенно уступает закону Армении.

Отстранение от производства (отстранение от участия в деле). Согласно ст. 147 УПК РА участвующий в производстве адвокат или уполномоченный представитель, или законный представитель, а также публичный обвинитель по мотивированному постановлению органа, осуществляющего производство, могут быть отстранены от производства, если они дважды без уважительной причины не явились в судебное заседание на совершение обязательного для них процессуального действия или после трехкратного применения к ним процессуальной санкции в порядке, установленном гл. 17 УПК РА, продолжают злостно не исполнять свои обязанности. Постановление следователя об отстранении адвоката, уполномоченного представителя или законного представителя подлежит утверждению прокурором, осуществляющим надзор. Постановление следователя об отстранении от производства может быть обжаловано вышестоящему прокурору в семидневный срок с момента его получения, а в

случае неудовлетворения им жалобы – в суд. Постановление суда об отстранении от производства может быть обжаловано в порядке, установленном УПК РА (ст. 147).

Российским уголовно-процессуальным законом предусмотрены следующие разновидности данной санкции:

- отстранение дознавателя или следователя от производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ (п. 10 ч. 2 ст. 37, п. 6 ч. 1 ст. 39);

- отстранение государственного обвинителя или защитника от участия в деле при неподчинении распоряжениям председательствующего (ч. 2 ст. 258);

- отстранение присяжного от участия в рассмотрении дела в случае нарушения следующих запретов: отлучаться из зала судебного заседания во время слушания уголовного дела; высказывать свое мнение по рассматриваемому уголовному делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта; общаться с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств рассматриваемого уголовного дела; собирать сведения по уголовному делу вне судебного заседания; нарушать тайну совещания и голосования присяжных заседателей по поставленным перед ними вопросам (ч. 4 ст. 333);

- отстранение законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) или потерпевшего от участия в деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), потерпевшего (ч. 2.2 ст. 45, ч. 4 ст. 426, ч. 2 ст. 428).

Общим моментом является то, что данная санкция применяется только при совершении участником процесса процессуального правонарушения. Поэтому, например, отстранение защитника от участия в деле, если интересы одного из представляемых им подозреваемых (обвиняемых) противоречат интересам другого (ч. 6 ст. 49 УПК РФ), не может рассматриваться в качестве процессуальной санкции.

В то же время можно выделить ряд отличий. Первое существенное различие между армянским и российским законодательством состоит в круге лиц, к которым применяется данная санкция: в России он шире, поскольку

включает также должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, и присяжных заседателей.

Второе отличие – основание применения данной санкции. В Армении таким основанием выступает двукратная неявка или продолжающееся, несмотря на трехкратное применение менее строгой санкции, уклонение от исполнения обязанности. То есть налицо «процессуальная опасность» данных действий, что также указывает на место данной санкции в их иерархии, поскольку она применяется только после безуспешного применения менее строгих санкций. В России же для каждого участника процесса, к которому может быть применена данная санкция, предусмотрено отдельное основание – отдельный состав процессуального правонарушения. Причем их «процессуальная опасность» не объединена каким-то единым критерием. Так, из содержания п. 10 ч. 2 ст. 37 и п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ следует, что дознаватель и следователь могут быть отстранены от участия в деле при любом нарушении требований УПК РФ, что является довольно широким основанием. К государственному обвинителю и защитнику данная санкция может быть применена только при неподчинении распоряжениям председательствующего. Относительно узкое основание применения санкции предусмотрено и для законных представителей – нанесение ущерба интересам представляемого несовершеннолетнего.

Третье отличие состоит в субъекте, уполномоченном применять данную санкцию. В Армении таким субъектом является следователь (на досудебной стадии), чье решение утверждается надзирающим прокурором и может быть обжаловано в суд, а на стадии судебного производства – суд, чье решение может быть обжаловано в вышестоящую судебную инстанцию. В России данная санкция применяется прокурором – в отношении дознавателя, руководителем следственного органа – в отношении следователя, следователем или дознавателем – в отношении законного представителя несовершеннолетнего (на стадии досудебного производства), а на ста-

дии судебного производства – только судом в отношении государственного обвинителя, защитника, присяжного заседателя, законного представителя несовершеннолетнего.

Таким образом, в российском уголовно-процессуальном законе в сравнении с УПК РА регулирование отстранения от участия в деле в качестве процессуальной санкции является более сложным и непоследовательным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор закрепленных в гл. 17 УПК РА процессуальных санкций позволяет говорить о существовании в уголовном процессе Армении сформировавшегося самостоятельного института процессуальной ответственности, который обладает уникальной правовой природой. Система процессуальных санкций, основания и порядок их применения в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Армения характеризуются значительной детализацией и последовательностью нормативного регулирования. Это следует оценить положительно, ведь тем самым не только исключается произвольное применение санкций к участникам процесса, но и повышается эффективность всей уголовно-процессуальной деятельности, поскольку наличие механизма защиты от злоупотребления правами со стороны участников процесса в конечном счете способствует достижению цели уголовного судопроизводства.

В то же время сравнительный анализ законодательства двух стран показал, что применительно к УПК РФ аналогичная высокая оценка не может быть дана. В первую очередь это связано с отсутствием в нем общих норм о процессуальных санкциях и таком общем основании их применения, как злоупотребление правом. При этом имеют место разрозненные нормы о применении санкций за отдельные составы процессуальных правонарушений.

В компаративном плане опыт армянского законодательства представляет значительный интерес для целей совершенствования российского уголовно-процессуального закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России : монография / В.М. Быков. – Москва, 2014. – 333 с.
2. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З.Ф. Коврига // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 25–123.
3. Гамбарян А.С. Отстранение следователя от производства: ответственность или прокурорская «расправа»? / А.С. Гамбарян // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 4 (22). – С. 79–92.
4. Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1. Уголовно-процессуальная компаративистика. Уголовный процесс Швейцарии / А.А. Трефилов. – Москва, 2016. – 1019 с.
5. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. – Воронеж, 1975. – 175 с.
6. Ветрова Г.Н. Санкции в судебном праве / Г.Н. Ветрова. – Москва, 1991. – 160 с.
7. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – Ленинград, 1963. – 172 с.
8. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. – Ленинград, 1976. – 143 с.
9. Морщакова Т.Г. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / Т.Г. Морщакова, И.Л. Петрухин. – Москва, 1987. – 238 с.
10. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории / В.Н. Протасов. – Москва, 1991. – 143 с.
11. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б.Б. Булатов. – Омск, 2003. – 320 с.
12. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения / С.Г. Ольков. – Тюмень, 1996. – 266 с.
13. Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.С. Вепрев. – Челябинск, 2006. – 265 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гамбарян Артур Сиреканович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права, заслуженный юрист Республики Армения;

Спирidonov Михаил Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gambaryan Artur Sirekhanovich – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law, Honored Lawyer of the Republic of Armenia;

Spiridonov Mikhail Sergeevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Science.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 19.04.2026; принята к публикации 19.04.2026. The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 19.04.2026; accepted for publication 19.04.2026.

REFERENCES

1. Bykov V.M. Investigator in Criminal Procedure in Russia. Moscow, 2014. 333 p.
2. Kovriga Z.F. Criminal Procedural Liability. *Judicial Authority and Criminal Procedure*, 2016, no. 2, pp. 25–123. (In Russian).
3. Ghambaryan A.S. Suspension of the Investigator from Production: Responsibility or Prosecutorial “Reprisal”? *Investigation of Crimes: Problems and Solution*, 2018, no. 4 (22), pp. 79–92. (In Russian).
4. Trefilov A.A. Criminal Procedure of Foreign Countries. Moscow, 2016. Vol. 1. 1019 p.
5. Kovriga Z.F. Criminal Procedure Coercion. Voronezh, 1975. 175 p.
6. Vetrova G.N. Sanctions in Judicial Law. Moscow, 1991. 160 p.
7. Elkind P.S. The Essence of Soviet Criminal Procedure Law. Leningrad, 1963. 172 p.
8. Elkind P.S. Goals and Means of Achieving Them in Soviet Criminal Procedural Law. Leningrad, 1976. 143 p.
9. Morshchakova T.G., Petruhin I.L. Assessing the Quality of Trial (in Criminal Cases). Moscow, 1987. 238 p.
10. Protasov V.N. Fundamentals of General Legal Procedural Theory. Moscow, 1991. 143 p.
11. Bulatov B.B. State Coercion in Criminal Proceedings. Omsk, 2003. 320 p.
12. Olkov S.G. Criminal Procedure Offenses. Tyumen, 1996. 266 p.
13. Veprev V.S. Grounds for Criminal Procedural Liability. *Cand. Diss.* Chelyabinsk, 2006. 265 p.